

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей**

**МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии**

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

**Материалы научной конференции памяти
Сергея Григорьевича КЛЯШТОРНОГО
(1928–2014)**

16–17 февраля 2015 г.

Санкт-Петербург

**Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016**

Сергей Григорьевич Кляшторный

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Кляшторный — Ученый и Учитель	12
Конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем»	16
С. Г. Кляшторный. Библиография опубликованных работ (2013–1951) ..	21

С. Г. Кляшторный глазами коллег и учеников

Доклады

Ф. М. Асадов. Хазары и барсилы в исследованиях С. Г. Кляшторного	48
Д. Д. Васильев, В. В. Тишин. Сергей Григорьевич Кляшторный (04.02.1928–21.09.2014)	59
И. В. Кульганек. Монголия и монголы в фотообъективе Сергея Григорьевича Кляшторного — археолога, историка и этнографа	67
Д. А. Носов. О вкладе С. Г. Кляшторного в изучение взаимодействия фольклора и литературы	77
Р. Ю. Почекаев. Роль трудов С. Г. Кляшторного в изучении государственности и права тюркских народов Евразии	86
А. С. Сараев. Дискуссия о происхождении ранних тюркоязычных народов и вклад в нее С. Г. Кляшторного	95
В. В. Тишин. Работы С. Г. Кляшторного и некоторые проблемы социальной истории Тюркского каганата VI–VIII вв.	112

Тезисы докладов

И. Ф. Попова. С. Г. Кляшторный: жизнь в науке	121
А. В. Витол. «Кристаллизация» темы исследований С. Г. Кляшторного в 1950–1964 гг.	121
И. К. Загидуллин. С. Г. Кляшторный и концепция семитомной «Истории татар с древнейших времен»	123
А. А. Колесников. О вкладе С. Г. Кляшторного в возрождение военного востоковедения	124
Б. Кумекоев. Светлой памяти выдающегося тюрколога, друга и учителя Сергея Григорьевича Кляшторного	125
В. В. Тренавлов. Тюркологические исследования начала XXI века и «Тюркологический сборник»	125
Д. М. Насилов. Сергей Григорьевич Кляшторный и российская тюркская филология	126
В. З. Церенов. Вспоминая С. Г. Кляшторного	127

Статьи

Т. К. Абдиев. К проблеме взаимосвязи Енисейских надписей и современного киргизского языка	128
Н. Б. Бадмацыренова. Временной порядок и формы изъяснительного наклонения в монгольском языке.....	134
А. А. Бурыкин. Алтайская теория в свете сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики и смежных гуманитарных дисциплин	138
Р. М. Валеев, О. Д. Васильюк. Тюркологическое наследие А. Е. Крымского на рубеже XIX–XX вв.....	153
Г.-Р. А.-К. Гусейнов Хоны Северо-Восточного Кавказа и Дагестана и начало зарождения тюркской письменной традиции.....	160
Ю. И. Дробышев. Каракорум и вулкан Хорго	167
Ю. И. Елихина. Коллекция находок экспедиции В. Л. Котвича из городища Хара-Балгасун, хранящаяся в Государственном Эрмитаже	178
А. Ш. Кадырбаев. Степные народы и периодизация истории России в концепции ранних евразийцев	186
А. К. Камалов. К интерпретации этнополитонимов <i>отуз-татар</i> и <i>токуз-татар</i> древнетюркских рунических текстов	195
И. В. Кормушин. Енисейские страдания-1 (Цикл заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания)	205
И. Л. Кызласов. Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана.....	216
А. М. Мокеев. К вопросу о происхождении и значении политической титулатуры <i>ажо</i> и <i>иди</i> енисейских и алтайских кыргызов	229
Simone-Christiane Raschmann. The Old Uyghurs between East and West	238
Д. М. Тимохин. К вопросу о причинах начала монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.) по арабо-персидским источникам	247
В. З. Церенов. Манутохай — ставка калмыцких ханов (семантика и локализация топонима)	257
Резолюция конференции «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014) 16–17 февраля 2015 г.	266
Список авторов статей и выступлений	268

РОЛЬ ТРУДОВ С. Г. КЛЯШТОРНОГО В ИЗУЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Аннотация: Во многих своих работах С. Г. Кляшторный рассматривал самые разные аспекты истории государства и права тюркских народов Евразии, включая источники (в т. ч. рунику, эпиграфику и даже литературные произведения), особенности государственного устройства и социально-политического строя древнетюркских государств, особенности правового регулирования земельных и имущественных отношений, статус отдельных классов и сословий. Несмотря на то, что работы С. Г. Кляшторного посвящены преимущественно истории древних тюрков, многие его выводы и построения позволяют понять и особенности политико-правового развития более поздних тюрко-монгольских государств, в т. ч. империи Чингисхана и ее государств-наследников. Неудивительно, что многие специалисты по истории тюрков и монголов активно используют работы С. Г. Кляшторного в своих исследованиях.

Ключевые слова: С. Г. Кляшторный, древние тюрки, государственность кочевых народов Евразии, традиционное право, правовые источники.

Значительное место в обширном научном наследии С. Г. Кляшторного занимают работы, посвященные проблемам государственности и права древнетюркских народов и государств. Некоторые его исследования непосредственно посвящены данной тематике, в других она косвенно затрагивается. Однако, в любом случае, вклад Сергея Григорьевича Кляшторного в разработку этого аспекта истории древних тюрков весьма велик и ценен.

Дело не только в том, что не так уж много исследователей уделяли (и уделяют сегодня) внимание государственным и правовым аспектам развития кочевых народов Евразии, но и в том, что именно С. Г. Кляшторному удалось ответить на многие сложные и спорные вопросы истории древнетюркской государственности и права, уточнить значения ключевых терминов, относящихся к данной тематике. Кроме того, С. Г. Кляшторный весьма эффективно сумел привлечь для исследования проблем государственности и права древних тюрков источники неюридического происхождения, тщательно, по крупицам выбирая из них информацию, важную для реконструкции ряда древнетюркских политических и правовых институтов. В настоящей работе мы намерены остановиться на двух основных составляющих вклада С. Г. Кляшторного в изучение государственности и права древних тюрков —

использовании различных неюридических источников для извлечения сведений политико-правового характера и анализе ряда соответствующих категорий и терминов, уточнении их значения.

Во-первых, обратимся к тем источникам, на которые С. Г. Кляшторный опирался в своих работах по проблемам древнетюркской государственности и права.

Безусловно, одним из основных источников по истории государственности и права для С. Г. Кляшторного являлись сведения китайских династийных историй, которые со времени Я. И. Гурлянда, первым посвятившего специальную работу проблемам права кочевых народов Евразии, рассматривались как один из основных источников сведений о политико-правовом развитии кочевых народов древности [Гурлянд 1904, с. 8–13]. Большое количество этих сведений было введено в научный оборот в виде переводов на доступные не только востоковедам языки такими известными учеными как Н. Я. Бичурин (Иакинф), Э. Шаванн, Н. В. Кюннер, В. С. Таскин и др. Казалось бы, любой исследователь, обратившийся к изучению проблем государственности и права кочевых народов Евразии, мог бы использовать эти источники не менее эффективно, чем С. Г. Кляшторный. Однако не следует забывать, что С. Г. Кляшторный был не только специалистом по истории древней Центральной Азии, но и тюркологом, специалистом по тюркскому языку. Именно поэтому он имел право с полным основанием критически анализировать сведения китайских и других иностранных источников о тюркской государственности и праве, предлагать собственные уточняющие трактовки тех или иных пассажей, вносить коррективы в употребление и толкование соответствующих терминов тюркского происхождения. А самое главное, он имел возможность соотнести сведения китайских династийных историй с другим важным письменным источником — древнетюркскими руническими памятниками.

Говорить о значении трудов С. Г. Кляшторного по изучению тюркской руники можно бесконечно, это неоднократно делалось и, без сомнения, еще неоднократно будет делаться в будущем. Поэтому в рамках настоящей работы отметим лишь, что во многом именно благодаря исследованию С. Г. Кляшторным древних рунических памятников мы имеем возможность оценить их значение как источника не только по истории Центральной Азии, но и по истории государственности и права кочевых народов Древней Евразии. Именно в этих памятниках впервые были зафиксированы многие категории и термины политического и правового характера, которые и в дальнейшем продолжали широко применяться в Великой Степи, нередко меняя свое первоначальное значение. С. Г. Кляш-

торный внес большой вклад в выявление этих понятий и категорий, их определение, поиск синонимичных терминов, анализ эволюции их значения на разных этапах истории Евразии, о чем подробнее будет сказано ниже. Благодаря сочетанию сведений династийных историй и рунических памятников, С. Г. Кляшторный сумел пролить свет на такие сложные вопросы как соотношение политической и социальной структуры древних кочевников Евразии, правовой статус различных категорий населения древних тюркских государств, формы социальной зависимости и земельной собственности, некоторые принципы и нормы древнетюркского права [см., напр.: Кляшторный 1979; Klyashtornyi 2004].

Прекрасно понимал С. Г. Кляшторный и важность произведений литературного, эпического и фольклорного характера как источника сведений о государственности и праве, а главное — об отношении к различным политико-правовым институтам современников. Поэтому неоднократно исследователь соотносил сведения исторических сочинений, эпиграфических данных с тюркскими литературными произведениями — в частности, с известной поэмой Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билик» и тюркским эпосом «Китаб-и Деде-Коркут». При этом он особо отмечал, что создатели подобных произведений отражали идеальное представление о государстве и праве, и видел в нем интересный объект для сравнения политико-правовых воззрений тюрков XI в. с взглядами их предшественников, нашедшими отражение в вышеупомянутых древнетюркских эпитафиях [см., в частности, Кляшторный 1984, с. 143–144].

Наконец, обращал С. Г. Кляшторный внимание и на такой источник как степные генеалогические легенды, отмечая их значение в вопросах обоснования легитимности власти и социальной структуры общества, различий в статусе разных категорий населения [см., напр.: Кляшторный 1980]. Нет необходимости говорить о важности его наблюдений применительно к последующим эпохам — достаточно вспомнить, в частности, насколько скрупулезно подчеркивали свое происхождение от Чингис-хана правители тюрко-монгольских государств XIII — начала XX вв.

Для специалистов по истории государства и права тематика древнетюркской государственности и права во многом до сих пор остается «terra incognita», поскольку, во-первых, отсутствуют (в достаточном количестве) юридические памятники, позволяющие реконструировать политическую и правовую систему древних тюрков, во-вторых, многие понятия и категории, относящиеся к политико-правовой сфере (большей частью, как уже отмечалось, нашедшие отражение в рунических надписях), имеют свою специфику и не всегда могут быть правильно поняты и интерпретированы.

Труды С. Г. Кляшторного во многом решают эту проблему, поскольку он сумел пролить свет на значение ряда ключевых понятий, с помощью которых могут быть охарактеризованы политическая система древних тюрков и ряд основных принципов их права.

В частности, ученый четко определил значение и взаимозависимость терминов «эль» и «бодун», первый из которых означал военно-административную организацию тюрков, а второй — родоплеменную, имея, в т. ч. и значение «народ». Именно С. Г. Кляшторный на основе анализа текстов тюркских памятников пришел к выводу, что каган, верховный правитель тюрков, совмещал функции главы эля (как обладателя высшей административной и военной власти) и бодуна (как старейшины родоплеменного образования, верховного жреца и судьи своих сородичей) [Кляшторный 1984, с. 145].

Еще одним важным результатом исследований С. Г. Кляшторного стало выведение своеобразной формулы-триады, отражающей политико-правовую философию древних тюрков: «каган — эль — тору», т. е. «правитель — государство — право» [Klyashtornyi 2004, p. 13]. На наш взгляд, именно эта формула отражает такие важные принципы государственно-правовой организации тюрков как приоритет государства над правом и институт кагана как высшего законодателя, свидетельствуя о фактическом позитивизме и этатизме древних тюрков.

С. Г. Кляшторный провел детальный анализ сведений письменных, и в особенности рунических памятников на предмет выявления статуса отдельных категорий тюркского населения. О статусе кагана как верховного правителя, законодателя, судьи и жреца уже говорилось выше. Обоснованно С. Г. Кляшторный выделил представителей знати, «бегов», которые в тюркских источниках четко отделены от простого народа «бодун». При этом очень интересным представляется наблюдение исследователя о том, что каганы, преследуя собственные политические интересы, то демонстрировали свое единство с бегами, противопоставляя себя и знать простому народу, то, напротив, обвиняли бегов в измене не только кагану, но и народу [см.: Кляшторный 1984, с. 145–146; Klyashtornyi 2004, p. 23–24].

При этом, как, опять же, обоснованно указывает С. Г. Кляшторный, единство, которого добивались каганы в своем эле, достигалось не равенством всех представителей одного сословия, а, напротив, их четким местом в жесткой многоступенчатой иерархии, в которой каждый знал, кому он должен подчиняться и кем руководить. Так, среди знати ученый отмечает наличие «обладающих саном» (куркапыны) и «именитых» (атлыг) [Кляшторный,

Султанов 2009, с. 185].¹ Среди простого же народа выделялась категория полноправных подданных кагана — «эр» (муж-воин) [Кляшторный 1984, с. 148]. Наличие такой категории, соответственно, предполагает и наличие в тюркском обществе лиц, не обладающих всей полнотой прав, хотя их статус специально и не анализируется С. Г. Кляшторным. А вот анализу категории «кул» (рабов) исследователь посвятил специальное исследование, сделав еще одно принципиальное, на наш взгляд, наблюдение: из рунических памятников следует, что человечество делится на тюрков, имеющих государство «эль» и установления «тору», и их врагов, которые должны стать рабами [Кляшторный 1985]. Логически продолжая эту мысль, можно допустить, что уже древние тюрки прекрасно понимали, что рабы не являются субъектами правоотношений — поскольку не следуют праву-«тору».

Что же касается правовых отношений у древних тюрков, то С. Г. Кляшторный, вполне осознавая, что скудность источников не дает права делать о них какие-либо выводы, кроме «генерализированных» [Кляшторный 1978, с. 97], тем не менее, предпринимает попытки выявить некоторые базовые принципы правоотношений в древнетюркском обществе. Так, он прослеживает формирование и сохранение деления на крылья и десятичной системы как основы структуры административного управления, начиная с эпохи хунну [Klyashtornyi 2004, p. 17].

Большой интерес представляет попытка С. Г. Кляшторного разобраться с вопросами земельных правоотношений в Тюркском каганате, в частности — с собственностью на землю. На основе анализа рунических надписей исследователь вывел такие правовые принципы древнетюркского государства как верховное право кагана на землю, право знати на владение ею и обязанность рядовых кочевников выплачивать ренту владельцам [Кляшторный 1979, с. 99]. Интересной и важной представляется трактовка С. Г. Кляшторным случаев откочевок с земель, принадлежащих кагану: по его предположению, это могло рассматриваться и как измена сюзерену, и как попытка уклониться от платы за пользование землей — соответственно, подобные действия считались тяжким преступлением, и виновным грозила суровая расправа [Кляшторный 1979, с. 100–101]. Опираясь на выводы ученого, можно найти истоки традиции, согласно которой в Монгольской империи и государствах Чингизидов вся земля считалась собственностью ханского рода. Известное же положение Великой Ясы Чингис-хана о том,

¹ Категория «атлыг», вероятно, может быть соотнесена с европейским рыцарством, а исходя из этимологии — даже еще более близко и с древнеримскими всадниками.

что никто не имеет право переходить из своего десятка, сотни, тысячи (Г. В. Вернадский характеризует его как «крепостной устав» [Вернадский 1999, с. 121]), таким образом, тоже, как видим, продолжает правовую традицию древних тюрков.

Правовое регулирование других видов собственности также не прошло мимо внимания С. Г. Кляшторного. В частности, он выявил особенности владения скотом, который, с одной стороны, являлся личной собственностью, с другой — показателем статуса его обладателя [Кляшторный 1984, с. 150]. Однако вместе с тем ученый отмечал, что в древнетюркские времена, судя по всему, речь шла в большей степени о родовой собственности, нежели об индивидуальной и семейной в современном понимании. На это указывают не только сообщения письменных источников, но и родовые тамги [Klyashtornyi 2004, p. 26]. Кстати, этот важный источник до сих пор мало учитывался историками права, и работы С. Г. Кляшторного (наряду с трудами других исследователей, изучавших тамги) могут стать отправной точкой для историко-правовых исследований в этом направлении.

Несмотря на прекрасное знание источников и удивительную способность делать на основе их изучения логичные и обоснованные выводы как частного, так и обобщающего характера, С. Г. Кляшторный всегда был в курсе новейших исследований, учитывал и тщательно анализировал в своих изысканиях результаты исследований других авторов, в той или иной степени затрагивавших проблемы древнетюркской государственности и права — Й. Маркварта, Э. Шаванна, П. Пелльо, Л. П. Потапова, М. Мори, Л. Н. Гумилева, Ж.-П. Ру, Л. Р. Кызласова, Т. Барфилда и др. В некоторых случаях ученый соглашался с выводами своих предшественников, в других критиковал, в третьих — развивал их концепции. В частности, он внес некоторые уточнения в широко известную концепцию «степных империй», выявив общие и специфические черты этих государственных образований — от древнетюркских до Монгольской империи и ее преемников [см., напр.: Кляшторный 2005]. Правда, в некоторых случаях, на наш взгляд, он чрезмерно отстаивал уникальность «степных империй», не делая попыток провести их подробный сравнительный анализ с другими государствами имперского типа — в особенности не азиатскими. Однако и эта позиция объяснялась его добросовестностью как ученого: не владея информацией об этих государствах в той степени, в какой информацией о тюрко-монгольских государствах, он предпочитал не делать поспешных выводов и не проводить рискованных сравнений. Тем не менее, считаем, что его собственные наработки в области истории государства и права «степных империй» позволяют специалистам заняться проведением таких

сравнительно-политических и сравнительно-правовых исследований — естественно, в формате сотрудничества как специалистов по истории различных государств, так и представителей различных наук и дисциплин (общей истории, источниковедения, истории государства и права и пр.).

Соответственно, все современные исследования, в которых так или иначе затрагиваются проблемы истории государственности и права степных народов и государств Евразии (в частности, работы В. В. Трепавлова, С. А. Васютина, Ю. И. Дробышева, Т. С. Жумаганбетова, Н. Н. Крадина, Н. Н. Серегина, Т. Д. Скрынниковой, В. В. Тишина и др.) в значительной степени учитывают наработки С. Г. Кляшторного, без которых изучение данной тематики на сегодняшний день попросту невозможно. Более того, результаты исследований С. Г. Кляшторного в значительной степени облегчают исследование вопросов истории государственности и права кочевых народов и более позднего периода — Монгольской империи и ее преемников вплоть до прекращения существования центральноазиатских государств традиционного типа уже в начале XX в. Ведь многие политические и правовые категории и институты, использовавшиеся в этих государствах (Золотой Орде и ее преемниках — тюрко-татарских ханствах, Ильханате и тюрко-монгольских государствах средневекового Ирана, Чагатайском улусе и среднеазиатских ханствах), были заимствованы, пусть и опосредованно, еще из древнетюркской политико-правовой традиции.¹ Более того, после распада Монгольской империи и ее ближайших преемников многие тюрко-монгольские государства вернулись именно к тому типу государственности, который и был свойственен именно тюркскому периоду — соправительство, доминирование обычного права, суд биев и пр. Точно так же, исходя из наблюдений С. Г. Кляшторного, можно понять причины живучести клановой системы в чингизидских государствах, равно как и неэффективности попыток заменить родоплеменное деление территориальным в тех тюрко-монгольских государствах, в которых преобладало кочевое население. Соответственно, наличие знаний о корнях этих политико-правовых явлений, столь подробно исследованных С. Г. Кляшторным, позволяет понять и причины возврата к ним после, казалось бы, достижения более высокого уровня политической и правовой культуры эпохи империи Чингизидов, оценить эффективность их использования, степень распространенности.

¹ В частности, ряд терминов, имеющих древнетюркское происхождение, анализирует применительно к реалиям Золотой Орды Г. А. Федоров-Давыдов [Федоров-Давыдов 1973].

Автор этих строк искренне благодарен С. Г. Кляшторному, который обратил его внимание на значимость сведений неюридического характера для изучения проблем истории государственности и права кочевых народов Евразии — в условиях практически полного отсутствия необходимых юридических источников. А также и за его советы учитывать особенности происхождения того или иного источника, позицию его автора, специфику употребления тех или иных терминов. Все эти советы со временем легли в основу метода, который автор условно назвал «историческое правоведение» и в настоящее время активно применяет в своих исследованиях по истории государственности и права тюрко-монгольских народов Средних веков и Нового времени, а также и в преподавательском процессе — в рамках курсов по истории отечественного и зарубежного государства и права.

Библиография

1. Вернадский 1999: *Вернадский Г. В.* О составе Великой Ясы Чингис-хана // Вернадский Г. В. История права. СПб., 1999. С. 112–148.
2. Гурлянд 1904: *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань, 1904.
3. Кляшторный 1979: *Кляшторный С. Г.* О собственности на землю в тюркском каганате // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке (Бартольдские чтения 1975 г.). М., 1979. С. 97–101.
4. Кляшторный 1980: *Кляшторный С. Г.* Версия древнетюркской генеалогической легенды у ал-Бируни // Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение. М., 1980. С. 158–161.
5. Кляшторный 1984: *Кляшторный С. Г.* Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Востоковедение. Вып. 9. 1984. С. 143–153.
6. Кляшторный 1985: *Кляшторный С. Г.* Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 159–168.
7. Кляшторный 2005: *Кляшторный С. Г.* Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. С. 23–31.
8. Кляшторный, Султанов 2009: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. От древности к Новому времени / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2009.
9. Федоров-Давыдов 1973: *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
10. Golden 2001: *Peter B. Golden.* The Terminology of Slavery and Servitude in Medieval Turkic // *Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel.* Ed. by D. DeWeese. Bloomington, 2001. P. 27–56.

11. Klyashtorny I 2004: *Sergey G. Klyashtorny. Customary Law in the Ancient Turkic States of Central Asia: The Legal Documents and Practical Regulation // Central Asian Law: An Historical Overview. A Festschrift for the Ninetieth Birthday of Herbert Franke. Lawrence, 2004. P. 13–39.*

Roman Yu. Pochekaev

THE ROLE OF THE WORKS OF S. G. KLYASHTORNY IN THE STUDY OF THE STATE AND LAW OF THE TURKIC PEOPLES OF EURASIA

Abstract: *Many works of S. G. Klyashtorny are devoted to different aspects of the state and law of the Turkic peoples of Eurasia including sources (runic, epigraphic and even literary heritage), specific features of the state, social and political structure of the ancient Turkic states, legal regulation of land and property relations, and the status of specific social groups. Although the works of S. G. Klyashtorny are devoted mainly to the history of ancient Turks, many of his constructions and conclusions are very helpful to understand the specific features of the political and legal development of the later Turkic-Mongol states including the empire of Chinggis Khan and the states of his successors. No wonder that many specialists in the history of Turks and Mongols widely use the works of S. G. Klyashtorny in their research.*

Keywords: *Sergey G. Klyashtorny, ancient Turks, state organization of Eurasian nomads, traditional law, legal sources.*